

Н.Н. Аблажей¹, А.С. Жанбосинова^{2*}, Н.А. Потапова¹

¹Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия;

²Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
(E-mail: ablazhey@academ.org; sovetuk@rambler.ru; skna17talya@mail.ru)

Паспортизация в Казахстане в 1932–1940 гг.: историография, источники и алгоритм кампании

Изучение политики и практики в области паспортизации населения и контроля за миграцией востребовано в плане оценки опыта реализации крупного национально-государственного проекта и причин дискриминационно-репрессивной политики. В статье дается комплексная оценка зарубежной и казахстанской историографии по истории паспортизации в СССР периода 1932–1940 гг. Показаны эвристические возможности источников разного типа, в том числе делопроизводства органов милиции, исполнительной власти, статистики и материалов прессы для изучения паспортизации. На основании выявленных в российских и казахстанских архивах источников конкретизирован алгоритм и этапы паспортизации Казахстана. Установлено, что республика была включена в процесс паспортизации в статусе нережимной территории с осени 1933 г., а выдача паспортов продлилась до весны 1935 г. Статус режимных территорий г. Алма-Ата и зона отчуждения Туркестано-Сибирской железной дороги получили лишь в конце 1930-х гг. К тому же времени относится завершение процесса обмена паспортов, начатого в 1936 г. Анализ политики и практики в области паспортизации показал, что советская паспортная система выполняла репрессивные функции, в частности, применялись принудительные выселения из городов, существовали ограничения в правах по паспортным основаниям и т.д. Сделан вывод о запаздывающем характере паспортизации в Казахстане, связанный с голодом, поразившим республику в 1931–1934 гг. и последовавшей за ним масштабной миграцией населения.

Ключевые слова: паспортизация, режимные и нережимные территории, паспортный режим, Казахстан, историография, источники.

Введение

Проблема паспортизации населения в СССР, растянувшаяся на пятидесятилетний период, вызывает особый интерес со стороны историков и юристов, как многоплановая и многоаспектная тема. Однако, несмотря на повышенный интерес исследователей, специального комплексного исследования по этой проблематике до настоящего времени не проводилось. Советская историография обратилась к теме паспортизации только во второй половине 1950-х гг., что совпало с массовой паспортизацией сельского населения страны, но ее изучение осуществлялось лишь в контексте анализа деятельности советской милиции и органов внутренних дел. Именно в это время началось введение в научный оборот нормативно-правовых актов, относящихся к возникновению института прописки и внедрению паспортной системы [1]. Среди первых публикаций, затрагивающих паспортизацию населения СССР, можно назвать работы М.И. Еропкина [2], И.И. Кизилова [3], В.В. Черникова [4], В.Д. Куприянова [5]. Советское паспортное законодательство начала 1940-х гг. привлекло внимание специалистов в 1960-е гг. (В. Биленко [6], С.А. Маслов [7], В.И. Хорошунов [8], Л.Д. Заднепровская [9]), в связи с изучением паспортного режима в годы Великой отечественной войны. Новый всплеск интереса к теме вновь с середины 1970-х гг. оказался связан с очередной паспортной реформой в СССР. Исследования велись исключительно юристами, специализирующимися на административном праве, в работах которых появлялись исторические обзоры советского и даже имперского паспортного законодательства (В.Ф. Корзана [10], С. Савицкого и А. Худякова [11], Р.К. Рыбальченко [12], Ю.С. Рябова [13]). Г.С. Кусков, стал первым исследователем, который предпринял попытку проанализировать становление и эволюцию советской паспортной системы [14], [15], [16], [17]. А.Н. Хоботов впервые изучил роль и деятельность правоохранительных органов в проведении паспортизации [18]. Именно работы юристов создали для историков базу для изучения темы.

Повышенный интерес к теме паспортизации возник на волне «архивной революции» 1990-х гг. Исследователям стали доступны ранее засекреченные архивные материалы, что сразу отразилось на

* Автор-корреспондент. E-mail: sovetuk@rambler.ru

уровне публикаций и иллюстрировало их новизну. С одной стороны, продолжают активно работать исследователи, такие как: А.Я. Малыгин [19], [20], [21], [22], [23], [24], [25], Р.С. Мулукаев [26], Л.П. Рассказов [27], которых интересовала паспортизация только в контексте деятельности правоохранительных органов, вопросы, связанные с деятельностью правоохранительных органов, в частности милиции. С другой стороны, уже во второй половине 1990-х гг. появляются труды, в которых предпринималась попытка осмыслить значение паспортизации, оценить ее роль и значение. В частности, усилиями В.П. Попова во второй половине 1990-х гг. были введены в научный оборот, хотя и крайне фрагментарно, ранее засекреченные решения властей, ведомственное делопроизводство и статистика. На основании этих материалов, автор дал характеристику основным этапам паспортизации, выстроил механизм внедрения паспортной системы, уделив основное внимание ее запретительным функциям. В.П. Попов пришел к выводу о том, что паспортизация проводилась с целью контроля и ограничения миграции. На основании полученных выводов, автор сравнил советскую паспортную систему с «крепостничеством», отметив наличие в стране ограничений и репрессий по паспортным основаниям [28].

Идея о карательных задачах советской паспортной системы и ее контролирующих задачах в миграционных процессах — общая тема для российских и западных исследователей. Среди российских специалистов стоит отметить работы В.П. Попова [28], К. Любарского [29], Ю. Фельштинского [30] и др. западных ученых, таких как М. Гарселон [31], Х. Кесслер [32], П. Хагенлох [33] и др. также интересовала тема советской паспортизации населения. Среди западных исследователей также необходимо отметить работы Н. Муан [34], [35], Д. Шерер [36], которые обратили внимание на многие важные вопросы, в частности причины введения паспортной системы в 1930-е гг., ее роль в «наведении порядка» в стране, территориальное распространение. Кроме того, авторы вернулись к вопросу о том, была ли паспортизация нацелена на ограничение мобильности сельского населения СССР.

Причины паспортизации населения интересовали и Ш. Фицпатрик, которая предложила идею о структурировании советского общества путем «приписывания к классу». Паспорт, в этом случае, с точки зрения историка, выполнял функцию «клеймения» по социальному признаку, т.е. в документе фиксировалась классовая принадлежность [37], [38], [39], [40], [41].

Часть исследователей оспорила интерпретацию паспортизации исключительно как рычага давления власти и принуждения общества. В этой связи необходимо отметить работы А.Ю. Тарасова [42] по истории паспортизации в СССР, в плане вывода о переходе от легитимационной политики к плановой и единой паспортной системе. Безусловной заслугой А.Ю. Тарасова является существенное расширение базы источников по тематике паспортизации за счет введения в научный оборот делопроизводственных материалов милиции и органов безопасности.

Еще одна тема, которая вызывает интерес специалистов в связи с паспортизацией, связана с формированием социальной, национальной (в плане закрепление национальности) и советской общегражданской идентичности. А.К. Байбурун, предложил рассматривать функционирование советской паспортной системы не только в плане тоталитарного принуждения, а в многоаспектном измерении, с одной стороны, рассматривая паспорт как бюрократический конструкт, а с другой, как элемент формирования гражданской идентичности и поведенческих практик. На данный момент, именно монография А.К. Байбурина «Советский паспорт: история — структура — практики» [43] дает развернутое представление об эволюции паспортной системы от имперской к советской, входе паспортизации, формировании паспортного режима и реакции общества. Автор рассматривает паспорт и сопровождавший его «паспортный миф» как эффективные средства формирования советского общества и гражданина. Этот подход вызвал повышенный интерес среди антропологов и социологов, положив начало становлению перспективного направления исследований — «антропологии советского паспорта». Среди исследователей, которые занимаются изучением паспорта и его влиянием на многие сферы жизни общества, можно еще назвать Патрика Биксби [44], [45].

В рамках изучения паспортизации периода 1932–1940 гг. получили развитие сюжеты, связанные с региональными аспектами паспортизации. Основное внимание привлекла паспортизация Москвы и Ленинграда 1932-1933 гг. Фрагментарное освещение получила паспортизация 1933 г. в приграничных районах и в 1940 г. на присоединенных территориях. Имеются единичные исследования о ходе паспортизации на Урале (Потемкина М.Н., Кузнецова И.В. [46]) и Дальнем Востоке (Чернолуцкая Е.Н. [47]). На данный момент, именно ход паспортизации территорий Дальнего Востока представлен наиболее полно, в частности, дана оценка паспортизации как мобилизационной кампании, приведены данные по численности паспортизированного населения и так называемым отказникам, показана тер-

риториальная специфика и дана оценка миграционных последствий паспортизации для региона. Аналогичные работы по другим регионам отсутствуют.

Паспортизация в Казахстане периода 1930-х гг. крайне фрагментарно отражена в казахстанской историографии. В этой связи стоит упомянуть только пропагандистское издание 1979 г. [48] и статью Е. Грибановой [49], непосредственно посвященной паспортизации в городе Алма-Аты. Одна из относительно недавних, коллективных, и последних статей по теме, наглядно свидетельствует о нынешнем уровне знаний по данной тематике [50]. В целом, в историографии наблюдается явный недостаток работ по истории паспортизации в Казахской АССР / ССР.

Как видно из историографического обзора, теме паспортизации посвящен определенный массив работ, но традиционно, наибольший интерес у специалистов вызывает паспортизация городского населения в 1930-е гг., в то время как паспортизация приграничья, промышленных районов, военизированных территорий, зон транспортных артерий и некоторых аграрных территорий, остается на периферии интересов историков. Следует отметить, что паспортизация сельского населения в 1960–1970-е гг. в СССР практически не изучена. До сегодняшнего дня остаются актуальными выяснение обстоятельств введения паспортной системы, ее роли в формировании учетно-надзорного контроля за населением, анализа характера ее географического распространения, осуществления милицейских и репрессивных функций, оценки масштабов дискриминации населения по паспортным признакам, влияния на криминогенную обстановку в городах, оценка миграционных последствий. В историографии прослеживается недостаток работ по истории паспортизации в СССР как на общегосударственном, так и на региональном и республиканском уровнях.

Проблема паспортизации населения в СССР, растянувшаяся на пятидесятилетний период, вызывает особый интерес со стороны историков и юристов, как многоплановая и многоаспектная тема. Однако, несмотря на повышенное внимание, специального комплексного исследования по этой проблематике до настоящего времени не проводилось. Советская историография обратилась к теме паспортизации только во второй половине 1950-х гг., что совпало с массовой паспортизацией сельского населения страны, но ее изучение осуществлялось лишь в контексте анализа деятельности советской милиции и органов внутренних дел. Именно в это время началось введение в научный оборот нормативно-правовых актов, относящихся к возникновению института прописки и внедрению паспортной системы [1]. Среди первых публикаций, затрагивающих паспортизацию населения СССР, можно назвать работы М.И. Еропкина [2], И.И. Кизилова [3], В.В. Черникова [4], В.Д. Куприянова [5]. Советское паспортное законодательство начала 1940-х гг. привлекло внимание специалистов в 1960-е гг. (В. Биленко [6], С.А. Маслов [7], В.И. Хорошунов [8], Л.Д. Заднепровская [9]), в связи с изучением паспортного режима в годы Великой отечественной войны. Новый всплеск интереса к теме вновь с середины 1970-х гг. оказался связан с очередной паспортной реформой в СССР. Исследования велись исключительно юристами, специализирующимися на административном праве, в работах которых появлялись исторические обзоры советского и даже имперского паспортного законодательства (В.Ф. Корзана [10], С. Савицкого и А. Худякова [11], Р.К. Рыбальченко [12], Ю.С. Рябова [13]). Г.С. Кусков, стал первым исследователем, который предпринял попытку проанализировать становление и эволюцию советской паспортной системы [14], [15], [16], [17]. А.Н. Хоботов впервые изучил роль и деятельность правоохранительных органов в проведении паспортизации [18]. Именно работы юристов создали для историков базу для изучения темы.

Повышенный интерес к теме паспортизации возник на волне «архивной революции» 1990-х гг. Исследователям стали доступны ранее засекреченные архивные материалы, что сразу отразилось на уровне публикаций и иллюстрировало их новизну. С одной стороны, продолжают активно работать исследователи, такие как: А.Я. Малыгин [19], [20], [21], [22], [23], [24], [25], Р.С. Мулукаев [26], Л.П. Рассказов [27], которых интересовала паспортизация только в контексте деятельности правоохранительных органов, вопросы, связанные с деятельностью правоохранительных органов, в частности милиции. С другой стороны, уже во второй половине 1990-х гг. появляются труды, в которых предпринималась попытка осмыслить значение паспортизации, оценить ее роль и значение. В частности, усилиями В.П. Попова во второй половине 1990-х гг. были введены в научный оборот, хотя и крайне фрагментарно, ранее засекреченные решения властей, ведомственное делопроизводство и статистика. На основании этих материалов, автор дал характеристику основным этапам паспортизации, выстроил механизм внедрения паспортной системы, уделив основное внимание ее запретительным функциям. В.П. Попов пришел к выводу о том, что паспортизация проводилась с целью контроля и ограничения миграции. На основании полученных выводов, автор сравнил советскую паспортную

систему с «крепостничеством», отметив наличие в стране ограничений и репрессий по паспортным основаниям [28].

Идея о карательных задачах советской паспортной системы и ее контролирующим задачам в миграционных процессах — общая тема для российских и западных исследователей. Среди российских специалистов стоит отметить работы В.П. Попова [28], К. Любарского [29], Ю. Фельштинского [30] и др. западных ученых, таких как М. Гарселон [31], Х. Кесслер [32], П. Хагенлох [33] и др. также интересоваля тема советской паспортизации населения. Среди западных исследователей также необходимо отметить работы Н. Муан [34], [35], Д. Шерер [36], которые обратили внимание на многие важные вопросы, в частности причины введения паспортной системы в 1930-е гг., ее роль в «наведении порядка» в стране, территориальное распространение. Кроме того, авторы вернулись к вопросу о том, была ли паспортизация нацелена на ограничение мобильности сельского населения СССР.

Причины паспортизации населения интересовали и Ш. Фицпатрик, которая предложила идею о структурировании советского общества путем «приписывания к классу». Паспорт, в этом случае, с точки зрения историка, выполнял функцию «клеймения» по социальному признаку, т.е. в документе фиксировалась классовая принадлежность [37], [38], [39], [40], [41].

Часть исследователей оспорили интерпретацию паспортизации исключительно как рычага давления власти и принуждения общества. В этой связи необходимо отметить работы А.Ю. Тарасова [42] по истории паспортизации в СССР, в плане вывода о переходе от легитимационной политики к плановой и единой паспортной системе. Безусловной заслугой А.Ю. Тарасова является существенное расширение базы источников по тематике паспортизации за счет введения в научный оборот делопроизводственных материалов милиции и органов безопасности.

Еще одна тема, которая вызывает интерес специалистов в связи с паспортизацией, связана с формированием социальной, национальной (в плане закрепление национальности) и советской общегражданской идентичности. А.К. Байбурин, предложил рассматривать функционирование советской паспортной системы не только в плане тоталитарного принуждения, а в многоаспектном измерении, с одной стороны, рассматривая паспорт как бюрократический конструкт, а с другой, как элемент формирования гражданской идентичности и поведенческих практик. На данный момент, именно монография А.К. Байбурина «Советский паспорт: история — структура — практики» [43] дает развернутое представление об эволюции паспортной системы от имперской к советской, входе паспортизации, формировании паспортного режима и реакции общества. Автор рассматривает паспорт и сопровождавший его «паспортный миф» как эффективные средства формирования советского общества и гражданина. Этот подход вызвал повышенный интерес среди антропологов и социологов, положив начало становлению перспективного направления исследований — «антропологии советского паспорта». Среди исследователей, которые занимаются изучением паспорта и его влиянием на многие сферы жизни общества, можно еще назвать Патрика Биксби [44], [45].

В рамках изучения паспортизации периода 1932–1940 гг. получили развитие сюжеты, связанные с региональными аспектами паспортизации. Основное внимание привлекла паспортизация Москвы и Ленинграда 1932–1933 гг. Фрагментарное освещение получила паспортизация 1933 г. в приграничных районах и в 1940 г. на присоединенных территориях. Имеются единичные исследования о ходе паспортизации на Урале (Потемкина М.Н., Кузнецова И.В. [46]) и Дальнем Востоке (Чернолуцкая Е.Н. [47]). На данный момент, именно ход паспортизации территорий Дальнего Востока представлен наиболее полно, в частности, дана оценка паспортизации как мобилизационной кампании, приведены данные по численности паспортизированного населения и так называемым отказникам, показана территориальная специфика и дана оценка миграционных последствий паспортизации для региона. Аналогичные работы по другим регионам отсутствуют.

Паспортизация в Казахстане периода 1930-х гг. крайне фрагментарно отражена в казахстанской историографии. В этой связи стоит упомянуть только пропагандистское издание 1979 г. [48] и статью Е. Грибановой [49], непосредственно посвященной паспортизации в городе Алма-Аты. Одна из относительно недавних, коллективных, и последних статей по теме, наглядно свидетельствует о нынешнем уровне знаний по данной тематике [50]. В целом, в историографии наблюдается явный недостаток работ по истории паспортизации в Казахской АССР / ССР.

Как видно из историографического обзора, теме паспортизации посвящен определенный массив работ, но традиционно, наибольший интерес у специалистов вызывает паспортизация городского населения в 1930-е гг., в то время как паспортизация приграничья, промышленных районов, военизированных территорий, зон транспортных артерий и некоторых аграрных территорий, остается на пери-

ферии интересов историков. Следует отметить, что паспортизация сельского населения в 1960–1970-е гг. в СССР практически не изучена. До сегодняшнего дня остаются актуальными выяснение обстоятельств введения паспортной системы, ее роли в формировании учетно-надзорного контроля за населением, анализа характера ее географического распространения, осуществления милицейских и репрессивных функций, оценки масштабов дискриминации населения по паспортным признакам, влияния на криминальную обстановку в городах, оценка миграционных последствий. В историографии прослеживается недостаток работ по истории паспортизации в СССР как на общегосударственном, так и на региональном и республиканском уровнях.

Материалы и методы исследования

Информационная база по истории паспортизации включает в себя нормативно-правовые и статистические документы, а также ведомственное делопроизводство.

К нормативно-правовым документам относятся документы Конституции СССР и РСФСР, Уголовный кодекс 1926 г., решения СНК и ВЦИК СССР и РСФСР, Политбюро ВКП(б) о документировании населения, прописке и паспортизации. Кроме того, к этой группе источников можно отнести решения СНК КАССР/СНК Казахской ССР и областных, исполнительных, законодательных и партийных органов власти соответствующей направленности. В своей массе эта категория документов помогает воссоздать ход паспортизации, продемонстрировать правовую базу, обеспечивающую процессы паспортизации как в целом по СССР, так и по Казахстану.

Материалы советских газет востребованы в плане изучения официальной политики в области паспортизации и ее агитационно-пропагандистского содержания.

Еще одним источником, содержащим богатые сведения о реализации политики в области паспортизации, учета населения и института прописки, являются циркуляры и приказы ОГПУ-НКВД и РКМ при ОГПУ-НКВД и их региональных управлений об организации прописки, учета населения и паспортизации, а также деятельности по ее реализации. Эти материалы долгое время были засекреченными, а некоторые остаются недоступными для исследователей до сих пор. Тем не менее, доступным является большой комплекс документов НКВД-МВД СССР, в котором отложились и материалы Главного управления милиции. Эти документы находятся в коллекции Государственного архива РФ в фондах ГУРКМ — Главного управления рабоче-крестьянской милиции (Ф. Р-9415) и НКВД (Ф. Р-9401). Аналогичные комплексы сохранились и архивах Казахстана.

Нельзя недооценивать в плане изучения паспортизации и эвристические возможности статистических источников, среди которых городские переписи населения начала 1930-х гг., отчетная статистика РКМ и ОГПУ-НКВД, которые позволяют судить о численности паспортизированного населения, а также населения, взятого на учет в связи с проведением паспортизации. Данные по механическому учету населения (миграции), в том числе паспортизированного отложились в материалах отделов секторов населения областных управлений народно-хозяйственного учета и паспортных отделений милиции.

К группе личных дел по проблематике следует отнести в первую очередь, учетные дела на лиц, лишенных избирательных прав, архивно-следственные дела на осужденных и спецпереселенцев. Отметим, что этой группе могут быть добавлены и справки с места работы и учебы для получения паспортов, обнаруженные нами в нескольких архивах.

Среди выявленных материалов о ходе паспортизации в Казахстане следует остановиться на следующих документальных комплексах.

Делопроизводство исполнительной власти регионов и поселений, где проводилась паспортизация, представлена в первую очередь, так называемыми обязательными постановлениями, содержащими информацию о сроках проведения паспортизации, указания местоположения паспортных пунктов и приписки к ним населения, с указанием мест проживания. Их дополняют постановления и распоряжения городских советов о выделении помещений и организации условий для функционирования паспортных пунктов. Анализ протоколов горсоветов и горкомов позволяет утверждать, что ход паспортизации рассматривался на заседаниях в период кампании с участием ответственных лиц от милиции на предмет организации оперативного учета населения, его документирования и организации выселения из городов. Выявлены решения горсоветов и горкомов, которые дают основания утверждать, что сроки паспортизации в городах и новостройках были сорваны, а ее проведение было продлено до февраля 1935 г.

В делопроизводстве городских исполнительных комитетов фрагментарно отложились и материалы городских комиссий по жалобам лиц, получившим отказы в получении паспортов. К сожалению, на данный момент репрезентативных документальных комплексов этих комиссий нами не выявлено. На основании отчетов о их работе, можно утверждать, что в среднем около 30 % жалоб удовлетворялось. После положительного решения, дело поступало в пункт паспортизации, где заявитель получал временное удостоверение. Отказникам грозило выселение. Ряд решений исполнительной власти городов КАССР дает основание утверждать, что городские власти могли санкционировать выселение из паспортизируемых территорий лиц, не имеющих паспортов или временных удостоверений. В плане регулирования найма рабочих из сельской местности, союзными властями было принято постановление СНК СССР от 19 сентября 1934 г. [52], что создало хоть какую-то нормативную базу в сфере отходничества в связи с паспортизацией. В ряде случаев есть основания утверждать, что городские власти инициировали снос или изъятие временного жилья лиц, выселенных из городов, чтобы предотвратить возвратную миграцию.

Ход паспортизации подробно отражен в специальных сводках и сводных отчетах милиции за 1933-1934 гг. Эти уникальные источники практически не выявлены и не введены в научный оборот. Выдавались документы четырех видов, а именно: трехгодичные паспорта, бланки годичных удостоверений личности и два вида временных документов (сезонные и сомнительные удостоверения). Велся учет отказов и выбытия отказников с паспортизируемых территорий. Имеющиеся материалы позволяют реконструировать подготовку, механизм реализации и ход кампании, динамику выдачи, количество отказов с разбивкой по группам населения, не подлежащим паспортизации, настроения различных слоев населения во время проведения паспортизации.

Особый интерес в плане анализа репрессий по паспортным основаниям представляет протокольная статистика троек ПП ОГПУ по КАССР за 1933 г. и республиканской милицейской тройки за 1935-1938 гг. Нормативные основания и сам механизм выселения с территорий, где проводилась паспортизация, до сих пор не изучены. Циркуляр ОГПУ № 96 в августе 1933 г. [53, Л. 202–204] предписывал формировать «тройки» при региональных полномочных представительствах (ПП) ОГПУ, в состав которых входили помощник ПП ОГПУ по милиции, начальник паспортного отдела и начальник оперативного отдела ПП ОГПУ. Следственные действия и вынесение по ним решений не должны были занимать более трех суток. Можно предположить (протоколы собственно «паспортных троек» на данный момент не обнаружены), что применялась практика массового выселения, на основании списков милиции. В директивах ОГПУ/НКВД СССР 1933-1934 гг. неоднократно рекомендовалось максимально полно использовать возможности паспортизации для «борьбы с преступным и деклассированным элементом» в городах и рабочих поселках. Выявленные материалы позволяют утверждать, что при ПП по КАССР в 1933 г. была учреждена тройка, деятельность которой была ориентирована на вынесение приговоров лицам с криминальным прошлым или связанным с криминальным миром, ведущим бродяжнический образ жизни, бездомным, уклоняющимся от паспортизации и прочим так называемым «паразитическим элементам». Согласно приказу НКВД СССР № 00192 от 27 мая 1935 г., во всех регионах СССР образовывались милицеские тройки, которые рассматривали нарушения паспортного режима, которые действовали до ноября 1938 г. В сферу компетенций милицеских троек входило рассмотрение на местах дел на нарушителей паспортного режима, уголовных, деклассированных и асоциальных элементов. Сплошная обработка материалов протоколов троек позволила получить данные о численности осужденных за нарушение паспортного режима, выявить алгоритм реализации решений по ограничению проживания для лиц, отбывших срок заключения, составить представление о практиках применения уголовного законодательства, в том числе в плане его ужесточения.

Получить фрагментарное представление о ходе паспортизации в 1933–1934 гг. позволяют материалы казахстанской прессы. Материалы информационного характера о начавшейся паспортизации публиковала главная газета автономии «Казахстанская правда». К материалам такого плана, в первую очередь, относятся объявления паспортного отдела краевого управления РК милиции о выдаче и продлении паспортных документов, адресованные как населению, так и администрациям учреждений и предприятий. Подобные материалы позволяют судить о регламентации процесса: в том числе выдачи временных удостоверений для сезонных работников. В официальной прессе было опубликовано постановление СНК КАССР «О введении паспортной системы в городах и рабочих поселках Казахстана и г. Алма-Ате и ее пригородах, отнесенным к городской черте» от 28 сентября 1933 г. и постановление СНК КАССР от 3 января 1934 г. об обязательной прописке паспортов, которое дает общее

представление о первом этапе паспортизации в автономии [54]. В республиканской и городской прессе имеют место и факты публикации так называемых обязательных постановлений горсоветов о сроках начала и окончания кампании [55]. Анализ материалов прессы позволяет утверждать, что начавшийся с 1936 г. обмен паспортов проходил в полном информационном вакууме. В 1940 г. республиканская пресса ограничилась лишь публикацией нового положения о паспортах. Таким образом, можно утверждать, что в республиканской прессе агитационно-пропагандистская кампания в связи с паспортизацией не проводилась.

Наиболее перспективной базовой теорией представляется концепция политики населения, впервые развитая в работах американского историка П. Холквиста [56-57], рассматривающего советскую внутреннюю политику в плане трансформации и формирования определенного состава населения. Этот подход базируется на предложенной британским социологом З. Бауманом [58] модели современного интервенционистского государства, использующего современные практики управления обществом. Суть таковой базируется на тезисе об обществе как искусственном объекте, поддающемся преобразованию при помощи государственного вмешательства, что можно интерпретировать как социальную инженерию. В развитие этой линии, именно политика населения являлась главным элементом в преобразовании традиционного общества в индустриальное и социалистическое. Принципы историзма и объективности в исследовании выступают как общенаучные методы, позволяющие формировать научное знание о прошлом. Основными принципами исследования стали комплексность и системность, которые реализуются прежде всего в анализе политики паспортизации как совокупности элементов внутренней политики (целей политической системы и средств их достижения через принятие политических и административных решений) и ее последствий.

Обсуждение и результаты исследования

Хронологические рамки исследования первого этапа паспортизации определены периодом 1932–1940 гг. Хронологические границы обусловлены принятием постановлений правительства СССР от 12 декабря 1932 г. и 10 сентября 1940 г. о внутренних паспортах.

Проработка вопроса о введении в СССР внутренних паспортов проводилась ОГПУ СССР по поручению Политбюро, для чего была создана особая комиссия по паспортной системе и разгрузке городов, которой руководил заместитель председателя ОГПУ В.А. Балицкий. Комиссия изучила существовавшую в Российской империи систему учета и регистрации населения, а также зарубежный опыт. Особое внимание уделялось анализу нормативно-правовых основ и практик, сложившихся после отмены внутренних паспортов (1923 г.) и введения упрощенного порядка получения идентификационных документов (1930 г.). Согласно выводам Комиссии, без внутренних паспортов институт прописки был бы неэффективен.

Итоги работы Комиссии, одобренные Политбюро 15 ноября 1932 г. и 23 июня 1933 г. [59], легли в основу трех постановлений СНК СССР от 27 декабря 1932 г., от 14 января 1933 г. и от 28 апреля 1933 г. [58], [60]. Реализация этих решений была подкреплена в конце декабря 1932 г. реформой милицейского ведомства, ставшего, фактически, частью ОГПУ. В 1933 г. ОГПУ принимает ряд ведомственных решений как для сопровождения паспортизации [55; 1-2], так и для применения внесудебных репрессий [54; 202–204].

Паспортизацию планировали провести за полтора года, что дает основания характеризовать ее как чрезвычайную кампанию по учету населения. Вводилось ранжирование территорий и очередность кампании. К первой очереди были отнесены УССР и БССР, Московская и Ленинградская области, Дальний Восток, ряд городов СССР и крупнейшие стройки союзного значения, перечисленные в постановлениях СНК и особых списках. Во вторую очередь попали Центральные регионы, Урал и частично Закавказье. Третья очередь: Север, Сибирь и Средняя Азия. Срок кампании обычно ограничивался 2-3 месяцами. Для местностей, отнесенных к первой очереди, для которых не было принято специальных решений СНК СССР в том числе по срокам окончания, был обозначен временной диапазон с 1 апреля по 1 октября, для отнесенных ко второй очереди — с 1 июля по 1 декабря, для отнесенных к третьей очереди — с 1 октября по 31 декабря 1933 г. Паспортизацию Узбекской, Туркменской и Таджикской ССР, Казакской, Киргизской, Кара-Калпакской и Якутской АССР планировалось завершить к осени 1934 г. Таким образом, территория Казахстана паспортизировалась только в 3-ю волну и с оговоркой на пролонгацию сроков ее проведения.

Необходимо также отметить, что практическая работа по реализации паспортизации была поручена органам милиции, поэтому решения правительства о паспортах 1932 г. и 1940 г. сопровождали

инструкции ОГПУ, а потом НКВД по «применению положения о паспортах». Помимо этого, ОГПУ–НКВД было принято несколько десятков приказов и циркуляров о правилах проживания в режимных и на паспортизированных территориях, прописке, обмене и выдаче паспортов, реорганизации паспортных служб, учете и паспортизации отдельных категорий населения (в частности иностранцев), соблюдении паспортного режима и применении репрессий.

За этот период значительные изменения потерпели и сами паспортные службы. Итогом паспортизации стало создание единой паспортно-визовой службы, вошедшей в структуру НКВД. На первом этапе выдачу паспортов осуществляли паспортные пункты, созданные по производственному и территориальному принципу. Одновременно при отделениях милиции были созданы в областных и городских управлениях РКМ паспортные управления, а в отделениях милиции — паспортные столы. Была также проведена реорганизация адресно-справочных бюро (адресных столов). После завершения паспортизации железнодорожного транспорта, существовавшие отдельно паспортные столы из аппаратов железнодорожной милиции, были переданы в территориальные органы РКМ.

Власть не афишировала, но и не скрывала цели и задачи, которые решались в связи с паспортизацией. Текущими задачами стала «разгрузка» или «очистка» городов от маргинального и люмпинизированного населения, а также создание системы учета. К среднесрочным целям можно отнести ограничение миграции сельского населения в города при сохранении возможности перетока излишней рабочей силы в зоны приоритетного индустриального развития, а также ликвидацию «социального паразитизма» в условиях нехватки рабочей силы. В качестве долгосрочной цели рассматривалось создание национального реестра населения на территориях приоритетного развития, позволявшего контролировать миграцию методами административного регулирования, с постепенным расширением зоны охвата. Вопрос об эффективности созданной системы, с одной стороны, неотделим от изучения механизмов правоприменения и бытовавших практик, с другой, важен в плане оценки последствий ее введения для развития городской экономики, роста уровня жизни населения промышленных центров, новостроек и городов. С точки зрения региональных и местных властей, цель паспортизации состояла в «очистке центральных городов и важнейших промышленных районов от антиобщественного элемента и взятие на учет классово-чуждого, преступного и деклассированного элемента» [52]. Секретная инструкция 1933 г. конкретизировала категории населения, в отношении которых вводились ограничения по получению паспортов и прописки. Самой массовой категорией населения, в отношении которых вводились ограничения по паспортным основаниям, стали лица, лишённые избирательных прав (лишенцы) [54, Л. 59-60]. В 1935 г. произошло дальнейшее ужесточение законодательства в отношении отказников, им запретили проживание в режимных городах и местностях [61].

Фундаментальными решениями для паспортизации в Казахстане стали положения о паспортах, утвержденные постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. и СНК СССР от 28 апреля 1933 г. В развитие союзных постановлений СНК КАССР 28 сентября 1933 г. было принято постановление «О введении паспортной системы в городах и рабочих поселках Казахстана и в г. Алма-Ате и ее пригородах, отнесенных к городской черте». В начале 1933 г. власти республики обращались в Москву с просьбой присвоить Алма-Ате особый режимный статус, что предполагало проведение паспортизации в первую волну (весна 1933 г.), но получили отказ. В итоге, паспортизация столицы прошла в сроки, определенные для третьей волны. Паспортизацию столицы планировали провести в период с 15 октября по 5 декабря 1933 г. Заметим, что из 11 городов республики, на первом этапе паспортизация затронула только шесть [61]. В паспортизации участвовали Алма-Ата, Семипалатинск, Шымкент, Актюбинск, Уральск и Петропавловск с прилегающим к ним поселкам, входящим в городскую черту. Статус «новостроек» получили рабочий поселок Алга и г. Риддер [62; 13-14]. Паспортизация затронула и Караганду. Быстрорастущий населенный пункт, расположенный в районе территории строительства государственного треста по эксплуатации Карагандинского каменноугольного бассейна, где на территории рабочих поселков уже в 1931 г. насчитывалось около 100 тыс. жителей, стал центром сосредоточения спецпоселков и лагерей, был преобразован в город Караганда в феврале 1934 г. Сроки паспортизации этих городов растянулись на весь 1934 г., а в Караганде — даже на 1935 г. В зоне первой волны паспортизации также оказались промысловые участки треста «Эмбанефть», а в Актюбинской области и Карсакпайский медеплавильный завод. До остальных городов республики паспортизация дошла только в 1934-1935 гг. Предварительный анализ хода паспортизации в Караганде наглядно свидетельствует о специфике ее проведения в зоне лагерей и спецпоселков, а также иллюстрирует сходство с другими аналогичными регионами СССР. Алма-Ата получила ста-

тус режимного города второй категории только в 1940 г., что соответствовало лишь уровню областного центра.

Паспортизация поселений в зоне отчуждения железных дорог и среди сотрудников железнодорожного транспорта должна была начаться с мая 1933 г., но потом срок был сдвинут на август 1933 г. — февраль 1934 г. Ее проведение должно было пройти в три этапа. Туркестано-Сибирская железная дорога оказалась во втором эшелоне паспортизации. Кампания на транспорте стала масштабной социальной чисткой.

Паспортизация райцентров проходила по аналогии с городами. Основанием к ее проведению были решения сельсоветов. Сельсоветам предписывалось выдавать постоянно и временно проживающим рабочим и служащим справки для милиции; руководителям предприятий и учреждений — собрать с граждан необходимые документы и предоставить их милиции в предписанные сроки; заблаговременно оповестить о сроках и месте получения паспорта.

Паспортизация привела к усилению социальной напряженности в обществе. Ее проведение позволило закрепить конструкт внутреннего врага и способствовало его персонификации. Среди публичных высказываний доминировали призывы к чистке «социально-чуждого элемента». Рядовые граждане опасались усложнения процедуры легализации в городах и на стройках. Кампания также спровоцировала волну доносов во всех слоях общества. Агентура и сотрудники спецслужб отмечали, что в неофициальных разговорах основным лейтмотивом, связанным с паспортизацией, было отождествление кампании с «новым крепостничеством», сопровождавшееся высокой тревожностью. Главные темы разговоров: социальная чистка общества, раскрестьянивание, прикрепление рабочих к производству, а крестьян к колхозам, деление на паспортных и беспаспортных, контроль за перемещением населения, расширение возможностей власти по принудительной отправке людей на освоение необжитых территорий страны, трудности со снабжением городов и низкий уровень жизни рабочих, попытки решить финансовые трудности за счет населения. Подобные разговоры свидетельствовали о стремлении рядовых граждан объяснить для себя истинные причины паспортизации. Как и в период хлебозаготовок и коллективизации, люди вновь заговорили о надвигающейся войне, крепи апокалиптические настроения. Наиболее типичной реакцией населения стало бегство из городов, переселение в Китай, отказ от получения паспортов.

Выводы

Выборочное введение паспортной системы в СССР продемонстрировало многоступенчатую иерархию стратегических приоритетов власти при оценке роли регионов и территорий. Казахстан, с одной стороны, демонстрировал высокую скорость урбанизации и индустриализации, с другой, оказался зоной гуманитарной катастрофы и вынужденных миграций, обусловленных коллективизацией и голодом. Первая волна выдачи паспортов началась осенью 1933 и завершилась весной 1935 гг. Обмен паспортов начался в 1936 и был завершен только к 1939 гг. Фактически, обмен паспортов стал второй волной паспортизации населения республики. Это дает основание утверждать, что в 1933–1938 гг. в республике удалось создать систему учетно-надзорного контроля за населением, призванную регулировать территориальную мобильность и осуществлять надзор за группами, дискриминируемыми по паспортным основаниям. В ходе первого этапа массовой паспортизации, внутренние паспорта получила треть взрослого населения СССР, тогда как в Казахстане — только четверть. Паспортизация способствовала ускоренной интеграции республики в единое союзное национально-государственное и правовое пространство, способствуя ее советизации и трансформации традиционного общества.

Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта AP23485356 по гранту Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан на тему: Паспортизация в Казахстане 1932–1940 гг.

Список литературы

- 1 Сборник законодательных документов по вопросам организации и деятельности советской милиции 1917–1934 гг. — М.: ВШ МВД СССР. — 1957. — 279 с.
- 2 Еропкин М.И. Развитие органов милиции в Советском государстве / М.И. Еропкин — М.: [б.и.], 1967. — 87 с.
- 3 Кизилев И.И. НКВД РСФСР (1917–1930 гг.) / И.И. Кизилев — М.: Науч. -исслед. и ред. изд.-во, 1969. — 159 с.

- 4 Черников В.В. Организационная деятельность НКВД РСФСР по руководству органами милиции (октябрь 1917 — декабрь 1930 гг.) / В.В. Черников — М.: [б. и.], 1979. — 144 с.
- 5 Куприянов В.Д. Советская паспортная система и ее роль в борьбе с преступностью / В.Д. Куприянов. — Киев, 1958. — 56 с.
- 6 Биленко С.В. Из истории советской милиции в годы Великой Отечественной войны / С.В. Биленко — М.: ВШ МООН СССР, 1967. — 87 с.
- 7 Маслов С.А. Сотрудники киевской милиции в боях за Украину / С.А. Маслов // Вместе с армией и народом. Волгоград: ВШ МВД СССР, 1970. — С. 46–56.
- 8 Хорошунов В.И. Органы внутренних дел Белорусской ССР в годы Великой Отечественной войны / В.И. Хорошунов // В кн.: из истории партийного руководства органами внутренних дел в годы Великой Отечественной войны. — Волгоград: ВШ МВД СССР, 1973. — С. 78–85.
- 9 Заднепровская Л.Д. Борьба с беспорядочностью, безнадзорностью и преступностью несовершеннолетних в годы Великой отечественной войны / Л.Д. Заднепровская. — Волгоград: ВШ МВД СССР, 1973. — 54 с.
- 10 Корзан В.Ф. Советская паспортная система / В.Ф. Корзан — Минск: [б. и.], 1975. — 20 с.
- 11 Савицкий С. Новая паспортная система СССР / С. Савицкий, Л. Худяков. — Алма-Ата: [б. и.], 1976. — 20 с.
- 12 Рыбальченко Р.К. Паспортная система в СССР / Р.К. Рыбальченко — Киев: Вища школа, 1977. — 40 с.
- 13 Рябов Ю.С. Советская паспортная система / Ю.С. Рябов — М., 1978. — 48 с.
- 14 Кусков Г.С. Основные этапы развития советской паспортной системы / Г.С. Кусков // Труды ВШ МВД СССР. — Вып. 20. — М., 1968. — С. 35–47.
- 15 Кусков Г.С. Использование паспортной системы в раскрытии преступлений / Г.С. Кусков — М.: Учеб.-метод. каб., 1968. — 64 с.
- 16 Кусков Г.С. Советская паспортная система: учебное пособие / Г.С. Кусков. — М.: Учеб.-метод. каб. 1969. — 74 с.
- 17 Кусков Г.С. Паспортная система в СССР и ее осуществление: учеб. пос. / Г.С. Кусков; под ред. полк. внутр. службы Н.Я. Аносова. — М.: Учеб.-метод. каб., 1979. — 64 с.
- 18 Хоботов А.Н. Организационные и правовые основы развития паспортной системы в СССР (1917–1980 гг.): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.Н. Хоботов. — М. 1983.
- 19 Московская красная милиция. Страницы истории / под ред. И.А. Кондаурова, Р.С. Мулукаева, А.Я. Малыгина [и др.]; Академия МВД СССР. — М.: Юрид. лит., 1988. — 222 с.
- 20 Малыгин А.Я. Критика буржуазных фальсификаций по вопросам строительства органов внутренних дел Советского государства (историко-правовой аспект) / А.Я. Малыгин. — М.: [б. и.], 1990. — 101 с.
- 21 Малыгин А.Я. «Молоткастый, серпастый». Из истории советской паспортной системы / А.Я. Малыгин // Домострой. — 1993. — № 2. — С. 5–6.
- 22 Малыгин А.Я. «В паспорте отказано. Поместить в концлагерь» / А.Я. Малыгин // Милиция. — 1993. — № 7.
- 23 Малыгин А.Я. Развитие системы органов внутренних дел в предвоенные годы / А.Я. Малыгин // В кн.: Полиция и милиция России: страницы истории / А.Я. Малыгин — М.: Наука, 1995. — 316 с.
- 24 Малыгин А.Я. Деятельность милиции по охране общественного порядка на основных исторических этапах: лекция / А.Я. Малыгин — М., 1995.
- 25 Малыгин А.Я. К вопросу о роли НКВД в укреплении обороноспособности страны накануне и в годы Великой Отечественной войны / А.Я. Малыгин // Исторические чтения на Лубянке — М., 2001. — С. 13–17.
- 26 Мулукаев Р.С. Развитие системы органов внутренних дел Российской Федерации / Р.С. Мулукаев — М., 1995.
- 27 Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917–1941 гг.) / Л.П. Рассказов — Уфа: УВШ МВД РФ, 1994. — 465 с.
- 28 Попов В.П. Паспортная система советского крепостничества / В.П. Попов // Новый мир. — 1996. — № 6. — С. 96–112.
- 29 Любарский К. Паспортная система и система прописки в России [Электронный ресурс] / К. Любарский. Сайт Института прав человека. — Режим доступа: (<http://www.hrights.ru/text/b2/Chapter5.htm> — Дата обращения: 17.04.2024).
- 30 Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости / Ю. Фельштинский. — М.: Терра, 1991. — 184 с.
- 31 Garcelon M. Colonizing the Subject: The Genealogy and Legacy of the Soviet Internal Passport / M. Garcelon // Documenting Individual Identity. — 2002. — P. 83–100.
- 32 Kessler G. The passport system and state control over population flows in the Soviet Union, 1932–1940 / G. Kessler // Cahiers du Monde Russe. — Vol. 42. — № 2–4 — P. 477–504.
- 33 Hagenloh P. Stalin's Police: Public Order and Mass Repression in the USSR 1926–1941 / P. Hagenloh. Baltimore: The John Hopkins University Press. — 2006. — 460 с.
- 34 Moine N. Passeportisation, Statistique des Migrations et Contrôle de l'Identité Sociale / N. Moine // Cahiers du Monde Russe. — 1997. — Vol. 38. — P. 587–600.
- 35 Муан Н. Внутрисоюзные границы гражданственности: территориальное выражение дискриминации в Советском Союзе через паспортную систему / Н. Муан // Режимные люди в СССР. — М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. — С. 257–276.

- 36 Shearer D. Elements Near and Alien: Passportization, Policing, and Identity in the Stalinist State, 1932–1952 / D. Shearer // *The Journal of Modern History*. — Vol. 76. — № 4. — P. 835–881.
- 37 Fitzpatrick Sh. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia / Sh. Fitzpatrick // *Journal of Modern History*. — 1993. — № 65. — P. 745–770.
- 38 Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации / Ш. Фицпатрик // *Россия и современный мир*. — 2003. — № 2. — С. 133–151.
- 39 Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в советской России 1920-х годов / Ш. Фицпатрик // *Вопросы истории*. — 1990. — № 8. — С. 16–31.
- 40 Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик. — М.: РОССПЭН, 2008. — 332 с.
- 41 Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века / Ш. Фицпатрик. — М.: РОССПЭН, 2011. — 373 с.
- 42 Тарасов А.Ю. Паспортная система и паспортный режим в Советском государстве в 30-е гг. XX века: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.Ю.Тарасов. — М., 2005. — 166 с.
- 43 Байбурин А.К. Советский паспорт: история — структура — практики / А.К. Байбурин. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 488 с.
- 44 Биксби П. Паспорт: культурная история от древности до наших дней / П. Биксби. — СПб.: Livebook, 2025. — 400 с.
- 45 Bixby P. License to Travel: A Cultural History of the Passport / P. Bixby. — University of California Press, 2022. — 248 p.
- 46 Потемкина М.Н. Паспортизация городского населения СССР в 1930-х гг. / М.Н. Потемкина, И.В. Кузнецова // *Проблемы истории, филологии, культуры*. — 2014. — № 4 (46). — С. 167–174.
- 47 Чернолуцкая Е.Н. Паспортизация советского населения как завершающая веха в утверждении тоталитарного режима в СССР (на материалах Дальнего Востока). Тоталитаризм как исторический феномен / Е.Н. Чернолуцкая. — Владивосток: Приморское общество книголюбов, 1996. — С. 88–104.
- 48 Савицкий С. Закон, личность, свобода (Основные права и обязанности граждан в обл. личной безопасности и индивидуал. свободы) / С. Савицкий. — Алма-Ата: Казахстан, 1979. — 70 с.
- 49 Грибанова Е.М. Из истории паспортизации граждан Казахской ССР и г. Алма-Аты в 1930 гг. / Е.М. Грибанова // *Роль архивов в современном обществе (материалы международной научно-практической конференции)*. — Алматы: Акимат города Алматы, Управление по развитию языков, архивов и документации города Алматы, Центральный государственный архив города Алматы, 2013. — С. 87–97.
- 50 Омарбаев Ы. Паспортизация в конце 1930-х гг. в Каз ССР: историческое значение и последствия / Ы. Омарбаев, М. Куширбаев, М. Иманбаева // *Велес*. — 2017. — № 11–2(53). — С. 5–10.
- 51 Исупов В.А. Численность населения Западно-Сибирского края в расчетах сибирских статистиков / В.А. Исупов // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2010. — Т. 9. — С. 188–200.
- 52 СЗ (Судебное законодательство) СССР. — 1934. — № 49. — С. 389.
- 53 ГА РФ. — Ф. Р — 9401. — Оп. 12. — Д. 137.
- 54 Объявление № 3 паспортного отдела Краевой милиции // «Казахстанская правда». — 1933. — 28 сент. — № 2247.
- 55 О выдаче паспортов и обязательной прописке в городе Алма-Ата // «Казахстанская правда». — 1933. — № 232.
- 56 Holquist P. Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921 / P. Holquist. Cambridge: Harvard University Press, 2002. — 384 p.
- 57 Holquist P. Violent Russia, deadly Marxism: Russia in the epoch of violence, 1905–1921 [Electronic resource] / P. Holquist // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. — 2003. — Vol. 4 — № 3. — P. 627–652. <https://doi.org/10.1353/kri.2003.0040>.
- 58 Glebov S. Interview with Zygmunt Bauman in the court where multi-ethnic polities are on trial the jury is still out [Electronic resource] / S. Glebov // *Ab Imperio*. — 2008 — № 1. — P. 19–34. — Access mode: <https://elibrary.ru/pbzqyx>.
- 59 «Изменения паспортной системы носят принципиально важный характер». Как создавалась и развивалась паспортная система в стране // *Вестник Архива Президента Российской Федерации*. — 1997. — № 6. — С. 101–121.
- 60 РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 921. — Л. 65-66.
- 61 Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1934 г. — № 1–43. — М.: Госиздат, б. г. — С. 18.
- 62 Государственный архив Актюбинской области. — Ф. 85. — Оп. 1. — Д. 188. — Л. 13-14.

А.Н. Аблажей, А.С. Жанбосинова, Н.А. Потапова

1932–1940 жылдары Қазақстандағы төлқұжаттандыру: науқанның тарихнамасы, дереккөздері және алгоритмі

Халықты төлқұжаттандыру және көші-қонды бақылау саласындағы саясат пен практиканы зерделеу ірі ұлттық-мемлекеттік жобаны іске асыру тәжірибесін және кемсітушілік-репрессиялық саясаттың себептерін бағалау тұрғысынан талап етіледі. Мақалада 1932–1940 жылдар аралығындағы КСРО-дағы төлқұжаттандыру тарихына қатысты шетелдік және қазақстандық тарихнамаға жан-жақты баға берілген. Әр түрлі дереккөздердің эвристикалық мүмкіндіктері, соның ішінде полиция органдарының, атқарушы органдардың жазбалары, статистикалық мәліметтер және төлқұжаттандыруды зерттеуге арналған баспасөз материалдары көрсетілген. Ресейлік және қазақстандық мұрағаттарда анықталған дереккөздердің негізінде Қазақстанның төлқұжаттандыру науқаны мен кезеңдері нақтыланды. Республика 1933 жылдың күзінен бастап режимсіз аумақ мәртебесінде төлқұжаттандыру жобасына енгізілгені, ал төлқұжат беру 1935 жылдың көктеміне дейін жалғасқаны анықталды. Алматы қаласы мен Түркістан-Сібір теміржолының қарауындағы жерге тек 1930 жылдардың аяғында режимдік аумақ мәртебесі берілді. Сонымен бірге 1936 жылы басталған төлқұжаттарды айырбастау процесі бір уақытта аяқталды. Төлқұжаттандыру саласындағы саясат пен тәжірибені талдауда кеңестік төлқұжат жүйесі репрессиялық функцияларды орындағанын көрсетті, атап айтқанда, қалалардан мәжбүрлеп көшіру қолданылған, төлқұжаттық негіздегі құқықтарға шектеулер болған және т.б. Қазақстанда төлқұжаттандырудың 1931–1934 жылдары республиканы дүр сілкіндірген ашаршылыққа және одан кейінгі халықтың ауқымды көші-қонына байланысты кешіктірілген сипаты туралы қорытынды жасалды.

Кілт сөздер: төлқұжаттандыру, режимдік және режимдік емес аумақтар, паспорттық режим, Қазақстан, тарихнама, дереккөздер.

A.N. Ablazhey, A.S. Zhanbossinova, N.A. Potapova

Introduction of the passport system in Kazakhstan in 1932–1940: historiography, sources and campaign algorithm

The study of the policy and practice in the field of introduction of the passport system and migration control for the population is in demand in terms of assessing the experience of implementing a large national project and the causes of discriminatory and repressive policies. The article provides a comprehensive assessment of foreign and Kazakh historiography on the history of passporting in the USSR in the period 1932–1940. The heuristic possibilities of different types of sources, including records of the police, executive authorities, statistics and mass media for studying the process of passporting are shown. Based on the sources identified in Russian and Kazakh archives, the algorithm and stages of introduction of the passport system in Kazakhstan are specified. It is established that the republic was included in the passporting project in the status of a non-regime territory since the fall of 1933, the issuance of passports lasted until the spring of 1935. The status of a regime territory for the city of Alma-Ata and the alienation zone of the Turkestan-Siberian Railway was issued in the late 1930s only. The completion of the process of passport exchanges, which had begun in 1936, refers to the same period. An analysis of the policy and practice in the field of passporting showed that the Soviet passport system performed repressive functions, such as forced evictions from cities, restrictions on rights on passport backgrounds, etc. A conclusion was made that introduction of the passport system in Kazakhstan delayed due to the famine that struck the republic from 1931 to 1934 and the large-scale migration of the population that followed.

Keywords: passporting, regime and non-regime territories, passport regime, Kazakhstan, historiography, sources.

References

- 1 (1957). *Sbornik zakonodatelnykh dokumentov po voprosam organizatsii i deiatelnosti sovetskoi militsii 1917–1934 gg. [Collection of legislative documents on the organization and activities of the Soviet militia]*. Moscow: Vysshaya shkola Ministerstva vnutrennikh del Soiuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [in Russian].
- 2 Eropkin, M.I. (1967). *Razvitiye organov militsii v Sovetskom gosudarstve [The development of the police in the Soviet State]*. Moscow: [bez izdatelstva] [in Russian].
- 3 Kizilov, I.I. (1969). *NKVD RSFSR (1917–1930 gg.) [People's Commissariat for Internal Affairs of the Russian SSSR (1917–1930)]*. Moscow: Nauchno-issledovatel'skoe i redaktsionnoe izdatel'stvo [in Russian].

- 4 Chernikov, V.V. (1979). *Organizatsionnaia deiatel'nost' NKVD RSFSR po rukovodstvu organami militsii (oktiabr 1917 — dekabr 1930 gg.)* [Organizational activities of the People's Commissariat for Internal Affairs of the Russian Soviet Federative Socialist Republic in the management of police bodies]. Moscow: [bez izdatelstva] [in Russian].
- 5 Kupriianov, V.D. (1958). *Sovetskaia pasportnaia sistema i ee rol v borbe s prestupnostiu* [The Soviet passport system and its role in the fight against crime]. Kiev [in Russian].
- 6 Bilenko, S.V. (1967). *Iz istorii sovetskoi militsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [From the history of the Soviet militia during the Great Patriotic War]. Moscow: Vysshaia shkola Oruzhiia i Oboronykh Predpriatii Soiuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [in Russian].
- 7 Maslov, S.A. (1970). *Sotrudniki kievskoi militsii v boiakh za Ukrainu* [Kiev police officers in the battles for Ukraine]. *Vmeste s armiei i narodom — Together with the Army and the People*, 46–56 [in Russian].
- 8 Khoroshunov, V.I. (1973). *Organy vnutrennikh del Belorusskoi SSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny V knige: iz istorii partiinogo rukovodstva organami vnutrennikh del v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The internal affairs bodies of the Belarusian Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War. From the history of the party leadership of internal affairs bodies during the Great Patriotic War]. Volgograd: Vysshaia shkola Ministerstva vnutrennikh del Soiuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [in Russian].
- 9 Zadneprovskaia, L.D. (1973). *Borba s besprizornostiu, beznadzornostiu i prestupnostiu nesovershennoletnikh v gody Velikoi otechestvennoi voiny* [Fighting homelessness, neglect and the prestige of the non-modern in the year of Great Patriotic War]. Volgograd: Vysshaia shkola Ministerstva vnutrennikh del Soiuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [in Russian].
- 10 Korzan, V.F. (1975). *Sovetskaia pasportnaia Sistema* [The Soviet Passport System]. Minsk: [bez izdatelstva] [in Russian].
- 11 Savitskii, S. & Khudiakov, L. (1976). *Novaia pasportnaia sistema SSSR* [The new passport system of the USSR]. Alma-Ata: [bez izdatelstva] [in Russian].
- 12 Rybalchenko, R.K. (1977). *Pasportnaia sistema v SSSR* [The passport system in the USSR]. Kiev: Vishcha shkola [in Russian].
- 13 Riabov, Iu.S. (1978). *Sovetskaia pasportnaia Sistema* [The Soviet Passport System]. Moscow: Vysshaia shkola Ministerstva vnutrennikh Del Soiuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [in Russian].
- 14 Kuskov, G.S. (1968). *Osnovnye etapy razvitiia sovetskoi pasportnoi sistemy* [The main stages of the development of the Soviet passport system]. *Trudy Vysshei Shkoly Ministerstva Vnutrennikh Del SSSR — Proceedings of the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR* (pp. 35–47) [in Russian].
- 15 Kuskov, G.S. (1968). *Ispolzovanie pasportnoi sistemy v raskrytii prestuplenii* [The use of the passport system in solving crimes]. Moscow: Uchebno-metodicheskii kabinet [in Russian].
- 16 Kuskov, G.S. (1969). *Sovetskaia pasportnaia Sistema. Uchebnoe posobie* [The Soviet Passport System. Tutorial]. Moscow: Uchebno-metodicheskii kabinet [in Russian].
- 17 Kuskov, G.S. (1979). *Pasportnaia sistema v SSSR i ee osushchestvlenie. Uchebnoe posobie. [The passport system in the USSR and its implementation. Tutorial.]* N.Ia. Anosov (Ed.). Moscow: Uchebno-metodicheskii kabinet [in Russian].
- 18 Khabotov, A.N. (1983). *Organizatsionnye i pravovye osnovy razvitiia pasportnoi sistemy v SSSR (1917–1980 gg.)* [Organizational and legal bases for the development of the passport system in the USSR]. *Candidate's thesis*. Moscow [in Russian].
- 19 (1988). *Moskovskaia krasnoznamennaia militsiia. Stranitsy istorii* [The Moscow Red Banner police. Pages of history]. I.A. Kondaurova et al. (Ed.-s). Akademiia MVD SSSR. Moscow: Yuridicheskaia literatura [in Russian].
- 20 Malygin, A.Ya. (1990). *Kritika burzhuaiznykh falsifikatsii po voprosam stroitelstva organov vnutrennikh del Sovetskogo gosudarstva (istoriko-pravovoi aspekt)* [Criticism of bourgeois falsifications on the construction of internal affairs bodies of the Soviet State (historical and legal aspect)]. Moscow: [bez izdatelstva] [in Russian].
- 21 Malygin, A.Ya. (1993) «Molotkastyi, serpastyi». *Iz istorii sovetskoi pasportnoi sistemy* [“Hammer sickles”. From the history of the Soviet passport system.]. *Domostroi — The Domostroy*, 2, 5–6 [in Russian].
- 22 Malygin, A.Ya. (1993). *V pasporte otkazano. Pomestit v kontslager* [The passport was refused. Put in a concentration camp]. *Militsiia — Militia*, 7, 45–50 [in Russian].
- 23 Malygin, A.Ya. (1995). *Razvitie sistemy organov vnutrennikh del v predvoennye gody* [Development of the system of internal affairs bodies in the pre-war years]. *Politsiia i militsiia Rossii: stranitsy istorii — Police and militia of Russia: pages of history*, 316 [in Russian].
- 24 Malygin, A.Ya. (1995). *Deiatel'nost' militsii po okhrane obshchestvennogo poriadka na osnovnykh istoricheskikh etapakh: Lektsiia* [The activities of the police to protect public order at the main historical stages: Lecture]. Moscow: Nauka [in Russian].
- 25 Malygin, A.Ia. (2001). *K voprosu o roli NKVD v ukreplenii oboronosposobnosti strany nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [On the issue of the role of the People's Commissariat for Internal Affairs in strengthening the country's defense capability on the eve and during the Great Patriotic War]. *Istoricheskie chteniia na Lubianke — Historical readings at Lubyanka*, 13–17 [in Russian].
- 26 Mulukaev, R.S. (1995). *Razvitie sistemy organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii* [Development of the system of internal affairs bodies of the Russian Federation]. Moscow: Izdatelstvo Akademii Ministerstva Vnutrennikh Del Soiuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [in Russian].
- 27 Rasskazov, L.P. (1994). *Karatelnye organy v protsesse formirovaniia i funktsionirovaniia administrativno-komandnoi sistemy v Sovetskom gosudarstve (1917–1941 gg.)* [Repressive bodies in the process of formation and functioning of the administra-

tive-command system in the Soviet state]. Ufa: Ufimskii Yuridicheskii Institut Ministerstva Vnutrennikh Del Rossiiskoi Federatsii [in Russian].

28 Popov, V.P. (1996). Paspornaia sistema sovetskogo krepostnichestva [The passport system of the Soviet serfdom]. *Novyi mir — A new world*, 6, 96–112 [in Russian].

29 Liubarskii, K. (2002). Paspornaia sistema i sistema propiski v Rossii [Passport system and registration system in Russia] *hrights.ru*. Retrieved from <http://www.hrights.ru/text/b2/Chapter5.htm> [in Russian].

30 Felshtinskii, Yu. (1991). *K istorii nashei zakrytosti* [To the history of our closure]. Moscow: Terra [in Russian].

31 Garcelon, M. (2002). Colonizing the Subject: The Genealogy and Legacy of the Soviet Internal Passport. *Documenting Individual Identity*, 83–100.

32 Kessler, G. (2001). The passport system and state control over population flows in the Soviet Union, 1932–1940. *Cahiers du Monde Russe — Russian notebooks of the world*, 42, 2–4, 477–504.

33 Hagenloh, P. (2006). *Stalin's Police: Public Order and Mass Repression in the USSR 1926–1941*. Baltimore: The John Hopkins University Press.

34 Moine, N. (1997). Passeportisation, Statistique des Migrations et Contrôle de l'Identité Sociale [Passportization, Migration Statistics and Social Identity Control.]. *Cahiers du Monde Russe — Russian notebooks of the world*, 38, 587–600 [in French].

35 Muan, N. (2009). Vnutrisoiuznye granitsy grazhdanstvennosti: territorialnoe vyrazhenie diskriminatsii v Sovetskom Soiuze cherez pasportnuiu sistemu [Intra-Union borders of citizens: territorial expression of discrimination in the Soviet Union through the passport system]. *Rezhimnye liudi v SSSR — Regime people in the USSR*, 257–276 [in Russian].

36 Shearer, D. (2004). Elements Near and Alien: Passportization, Policing, and Identity in the Stalinist State, 1932–1952. *The Journal of Modern History*, 76, 4, 835–881.

37 Fitzpatrick, Sh. (1993). Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia [Attributing Class: The Formation of Social Identity in Soviet Russia]. *Journal of Modern History*, 65, 745–770.

38 Fitspatrik, Sh. (2003). «Pripisyvanie k klassu» kak sistema sotsialnoi identifikatsii [“Class attribution” as a social identification system]. *Rossiia i sovremennyi mir — Russia and the modern world*, 2, 133–151. [in Russian].

39 Fitspatrik, Sh. (1990). Klassy i problemy klassovoi prinaldezhnosti v sovetskoii Rossii 1920-kh godov [Classes and problems of class affiliation in Soviet Russia 1920s]. *Voprosy istorii — History questions*, 8, 16–31. [in Russian].

40 Fitspatrik, Sh. (2008). *Povsednevnyi stalinizm. Sotsialnaia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. The Social history of Soviet Russia in the 30s: the city]. Moscow: Rossiiskaa Politicheskaiia Entsiklopediia [in Russian].

41 Fitspatrik, Sh. (2011). *Sryvaite maski! Identichnost i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear off the masks! Identity and Imposition in twentieth-century Russia]. Moscow: Rossiiskaiia Politicheskaiia Entsiklopediia [in Russian].

42 Tarasov, A.Yu. (2005). Paspornaia sistema i pasportnyi rezhim v Sovetskom gosudarstve v 30-e g.g. XX veka [The passport system and passport regime in the Soviet state during the 1930s]. *The Candidate's thesis*. Moscow [in Russian].

43 Baiburin, A.K. (2017). *Sovetskii pasport: istoriia — struktura — praktiki* [Soviet passport: history — structure — practices]. Saint Petersburg: Izdatelstvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge [in Russian].

44 Biksbi, P. (2015). *Pasport: kulturnaia istoriia ot drevnosti do nashikh dnei* [Passport: cultural history from antiquity to the present day]. Saint Petersburg: Livebook [in Russian].

45 Bixby, P. (2022). *License to Travel: A Cultural History of the Passport*. University of California Press.

46 Potemkina, M.N. & Kuznetsova, I.V. (2014) Pasportizatsiia gorodskogo naseleniia SSSR v 1930-kh gg. [Certification of the urban population of the USSR]. *Problemy istorii, filologii, kultury — Problems of history, philology, culture*, 4 (46), 167–174 [in Russian].

47 Chernolutskaia, E.N. (1996). *Pasportizatsiia sovetskogo naseleniia kak zavershaiushchaia veka v utverzhdenii totalitarnogo rezhima v SSSR (na materialakh Dal'nego Vostoka)*. *Totalitarizm kak istoricheskii fenomen* [The certification of the Soviet population as the final milestone in the establishment of the totalitarian regime in the USSR (based on materials from the Far East). Totalitarianism as a historical phenomenon]. Vladivostok: Primorskoe obshchestvo knigoliubov, 88–104 [in Russian].

48 Savitskii, S. (1979). *Zakon, lichnost, svoboda (Osnovnye prava i obiazannosti grazhdan v obl. lichnoi bezopasnosti i individual. svobody)* [Law, personality, freedom (Basic rights and responsibilities of citizens in the region. personal safety and individual freedom)]. Alma-Ata: Kazakhstan [in Russian].

49 Gribanova, E.M. (2013). Iz istorii pasportizatsii grazhdan Kazakhskoi SSR i g. Alma-Aty v 1930 gg. [From the history of passportization of citizens of the Kazakh Soviet Socialist Republic and the city of Alma-Ata in the 1930s.]. *Rol arkhivov v sovremennom obshchestve (materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii) — The role of archives in modern society (materials of the international scientific and practical conference)* [in Russian].

50 Omarbaev, Y., Kushirbaeva, M., & Imanbaeva, M. (2017). Pasportizatsiia v kontse 1930-kh gg. v Kaz SSR: istoricheskoe znachenie i posledstviia [Certification in the late 1930s in the Kazakh Soviet Socialist Republic: historical significance and consequences]. *Veles*, 11–2(53), 5–10 [in Russian].

51 Isupov, V.A. (2010). Chislennost naseleniia Zapadno-Sibirskogo kraia v raschetakh sibirskikh statistikov [The population of the West Siberian Region in the calculations of Siberian statisticians]. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: istoriia, filologiia — Bulletin of Novosibirsk State University. Series: history, philology*. 9, 188–200. [in Russian].

52 (1934). SZ SSSR [Judicial legislation of the USSR]. 49, 389 [in Russian].

53 GA RF [The State Archive of the Russian Federation]. — F. 9401. — Op. 12. — D. 137 [in Russian].

54 (1933). Obiavlenie № 3 pasportnogo otdela Kraevoi militsii [Announcement No. 3 of the passport department of the Regional Police]. *Kazakhstanskaia pravda — Kazakhstani Truth*, 2247 [in Russian].

55 (1933). O vydache pasportov i obiazatelnoi propiske v gorode Alma-Ata [On the issuance of passports and mandatory registration in the city of Alma-Ata]. *Kazakhstanskaia pravda — Kazakhstani Truth*, 232 [in Russian].

56 Holquist P. (2002). *Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921*. Cambridge: Harvard University Press.

57 Holquist, P. (2003). *Violent Russia, deadly Marxism: Russia in the epoch of violence, 1905–1921. Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 4, 3, 627–652. <https://doi.org/10.1353/kri.2003.0040>

58 Glebov, S. (2008). *Interview with Zygmunt Bauman in the court where multi-ethnic polities are on trial the jury is still out*. *Ab Imperio*, 1, 19–34. *elibrary.ru*. Retrieved from <https://elibrary.ru/pbzqyx>

59 (1997). «Izmeneniia pasportnoi sistemy nosiat printsipialno vazhnyi kharakter». Kak sozdavalas i razvivalas pasportnaia sistema v strane [“Changes in the passport system are of a fundamentally important nature”. How the passport system was created and developed in the country]. *Vestnik Arkhiva Prezidenta Rossiiskoi Federatsii — Bulletin of the Archive of the President of the Russian Federation*, 6, 101–121 [in Russian].

60 RGASPI [Russian State Archive of Socio-Political History]. — F. 17. — Op. 3. — D. 921. — L. 65–66 [in Russian].

61 *Sobranie uzakoneniĭ i rasporiazhenii Raboche-Krestianskogo pravitelstva RSFSR za 1934 g.* [Collection of laws and regulations of the Workers and Peasants' Government of the Russian Soviet Federative Socialist Republic for 1934]. Moscow: Gosizdat, bez goda, 1–43, 18 [in Russian].

62 Gosudarstvennyi arkhiv Aktiubinskoi oblasti [State Archive of Aktobe region]. — F. 85. — Op. 1. — D. 188. — L. 13–14 [in Russian].

Сведения об авторах

Аблажей Наталья — доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (ИИ СО РАН), Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-3215-0615>

Жанбосинова Альбина — доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0003-4541-4154>

Потапова Наталья — кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (ИИ СО РАН), Новосибирский государственный университет, <https://orcid.org/0000-0001-8562-0310>

Information about the authors

Ablazhey Natalia — Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (AI SB RAS), Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-3215-0615>

Zhanbossinova Albina — Doctor of Historical Sciences, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0003-4541-4154>

Potapova Natalia — Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (AI SB RAS), Novosibirsk State University, <https://orcid.org/0000-0003-4541-4154>